

Старшая принцесса всегда была в Академии фигурой исключительной.

Во-первых, она была единственной девушкой среди всех учеников — «алый цветок среди весенней зелени», что само по себе притягивало взоры.

Во-вторых, будучи единственной дочерью императора и императрицы, она обладала столь высоким статусом, что никто не смел выказать ей ни тени неуважения.

И в-третьих — что не имело отношения ни к её полу, ни к титулу — она долгие годы оставалась лучшей ученицей Академии. Сменилось немало наставников, и почти каждый из них в глубине души сокрушенно вздыхал: «И почему она родилась женщиной?»

Разумеется, вслух этого никто не произносил: если бы такие речи дошли до Восточного дворца, сказавший мог навлечь на себя большую беду.

Что же касается юных отпрысков знати, то за годы учебы они привыкли к тому, что принцесса превосходит их по всем статьям. Когда тебя день за днем «втаптывают в грязь», к этому со временем вырабатывается привычка.

Обычно урок проходил так: учитель задает вопрос, обводит взглядом притихший класс — никто не поднимает руки — и тогда он вызывает принцессу. Она отвечает гладко, как по писаному, а остальные лишь восхищенно вздыхают. Это стало повседневным ритуалом, к которому все привыкли.

Изначально Академия предназначалась лишь для принцев. Но поскольку Наследник учился в Восточном дворце, а Третий принц томился в далеком Цзиньлине, Второму принцу не с кем было состязаться в знаниях, и император велел набрать ему в «товарищи по учебе» детей заслуженных сановников.

Для знатных домов право отправить сына в Академию стало символом монаршего доверия и великой чести. Однако со временем «товарищи» напрочь забыли, что призваны развлекать Второго принца; у многих даже сложилось ложное впечатление, что они здесь — свита Старшей принцессы.

Но никто не мог вообразить, что дням триумфа принцессы над толпой бездельников придет конец. И виной тому стал незванный гость — Хэ Гу, наследник Чанъян-хоу и будущий фума.

Поначалу все решили, что император прислал Хэ Гу в Академию лишь для того, чтобы молодые люди привыкли друг к другу до свадьбы. Пока другие грызли гранит науки, Хэ Гу должен был «плести любовные сети» с негласного одобрения императорской четы.

Однако стоило юному хоу появиться, как все поняли: парень явно перепутал сценарий.

Странности проявлялись буквально во всём:

Перед уроком: Хэ Гу приходил за полчаса до начала, чтобы занять все места вокруг стола принцессы. Он не пускал туда никого, а на тех, кто пытался сесть поближе, метал такие яростные взгляды, что у бедняг сердце уходило в пятки.

— У него что, десять задов? — шептались юноши. — Зачем ему столько стульев?

На уроках: Стоило учителю вызвать принцессу, как Хэ Гу тут же вскидывал руку, вырывался вперед и начинал рассуждать. Он разбирал вопрос вдоль и поперек, цитируя

«Четверокнижие», «Пятикнижие», математические трактаты и астрономию. Он выпаливал всё, что только можно было сказать по теме, не оставляя принцессе ни единого шанса вставить хоть слово.

А получив похвалу от наставника, он бросал на неё победный, невыносимо заносчивый взгляд. В глазах товарищей Хэ Гу выглядел как мелкий лакей, дорвавшийся до власти.

После уроков: Если принцесса хотела о чем-то спросить учителя, Хэ Гу с решимостью горного обвала втискивался между ними и заявлял, что сам знает ответы на все её вопросы. Мол, «пусть Ваше Высочество спрашивает меня, а не старика-профессора».

Молодые дворяне были в ярости. Как мужчины, они «прекрасно понимали» мотивы Хэ Гу. В их глазах всё было очевидно: он злится на императора за то, что тот лишил его карьеры, сделав фума. Злится, что в будущем не сможет и пальцем тронуть принцессу. И теперь, вместо того чтобы налаживать отношения, как хотели того родители, он просто вымещает на ней злобу.

В Академии даже вошло в моду вызывать Хэ Гу на поединок. Почему это стало повальным увлечением? Да потому, что никто не мог его побить! А раз один проиграл, на его место тут же вставал следующий — и так по кругу. Но Хэ Гу стоял незыблемо, как скала.

Сам же Хэ Гу пребывал в полном неведении о своей репутации. Он всего лишь хотел... стать «менее ненавистным» мужчиной из тех многих, кого принцесса терпеть не могла.

Узнав, что она учится здесь каждый день, он забросил свой план приходить раз в неделю. Как он мог пропустить хоть день, если здесь была она?

Хэ Гу считал, что проявляет чудеса заботы:

«Раньше её некому было защитить, — думал он. — Ей приходилось сидеть в окружении мужчин, которых она презирает. Какое мучение!»

Поэтому он заставлял Чжэнъе вставать до рассвета, чтобы занять места вокруг неё и избавить принцессу от неприятного соседства.

Более того, чтобы она не смотрела на него свысока, он каждый вечер после занятий перерывал библиотеку поместья, заучивая всё, что могло понадобиться на завтра. Уставал ли он? Конечно. Но надежда, что принцесса заметит его знания и поймет, что он не хуже «братца Вана», придавала ему сил.

Он даже пытался предугадать, какие места в лекции ей непонятны, чтобы завтра блеснуть объяснением. Жаль только, что принцесса всегда спрашивала о вещах настолько глубоких и заковыристых, что Хэ Гу приходилось ложиться всё позже и позже. Он свято верил: сердце — не камень, она обязательно почувствует его искренность.

Так прошел месяц. Ответа не было. Юный хоу начал паниковать: «Почему она всё так же холодна? Неужели я слишком скрытен? Видимо, она не понимает моих чувств».

Он решил, что пора действовать решительнее. И если признаваться в любви пока рано (чтобы не напугать её), то пора хотя бы начать называть её по имени.

В день перед выходными Хэ Гу тщательно прихорашивался перед зеркалом. С собой он взял два подарка: коробку румян, цвет которых одобрили и кухарка Цюй, и маленькая Хэ Жун, а также «кислую» поэму собственного сочинения, которую он переписывал раз десять.

Все в Академии видели: Хэ Гу со своим хмурым слугой перегородил принцессе путь, когда та возвращалась в дворец Цинъюй. Многие хотели помочь несчастной девушке, но, вспомнив вкус кулаков Хэ Гу, предпочли наблюдать издалека.

Майский Бяньцинъ был прекрасен. В императорском саду расцветали розы. Служанка принцессы, оказавшись весьма догадливой, отошла подальше, оставив их вдвоем под деревом.

Принцесса посмотрела на него своими чарующими глазами-фениксами:

— У наследника Хэ есть ко мне дело?

Сердце Хэ Гу зашлось в бешеном ритме. Он сглотнул, достал коробочку с румянами и, заставив себя встретиться с ней взглядом, произнес:

— У меня... есть подарок для Вашего Высочества.

— Что это? — спросила она, и её длинные ресницы дрогнули.

— Это румяна. Я сам выбирал... Мне кажется, этот цвет лучше всего подходит Вашему Высочеству.

Принцесса промолчала, не принимая подарка.

— Благодарю, но я не пользуюсь румянами.

Атмосфера стала неловкой. Хэ Гу покраснел и затараторил:

— О... ничего страшного. Ваше Высочество... вы и без косметики прекрасны...

К концу фразы голос его затих, но взгляд оставался твердым. Ведь он говорил чистую правду.

Принцесса вдруг тихо и странно рассмеялась. Пэй Чжаохэнь (который скрывался под маской принцессы) поднял глаза на Хэ Гу и без всяких эмоций спросил:

— Вы никогда не видели моего лица без вуали. Откуда же вам знать, что я прекрасна?

<http://bllate.org/book/15879/1617453>